

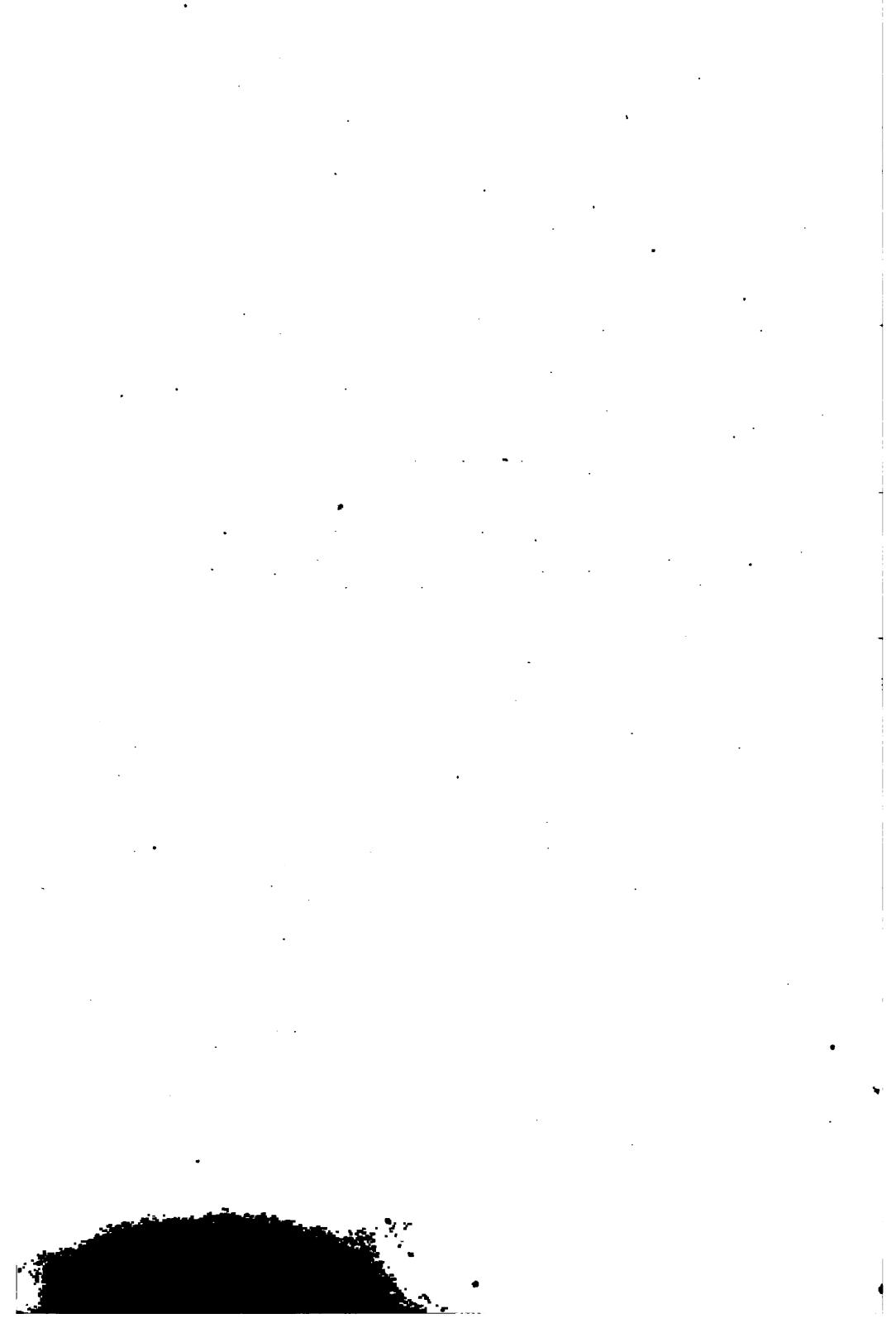
PG
3337
P8
A6
1873

СОЧИНЕНИЯ

АЛЕКСѢЯ ПОТѢХИНА.

Томъ третій.

СОЧИНЕНИЯ
АЛЕКСЕЯ ПОТБХИНА.

ТОМЪ ТРЕТИЙ.

КРЕСТЬЯНКА.

РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

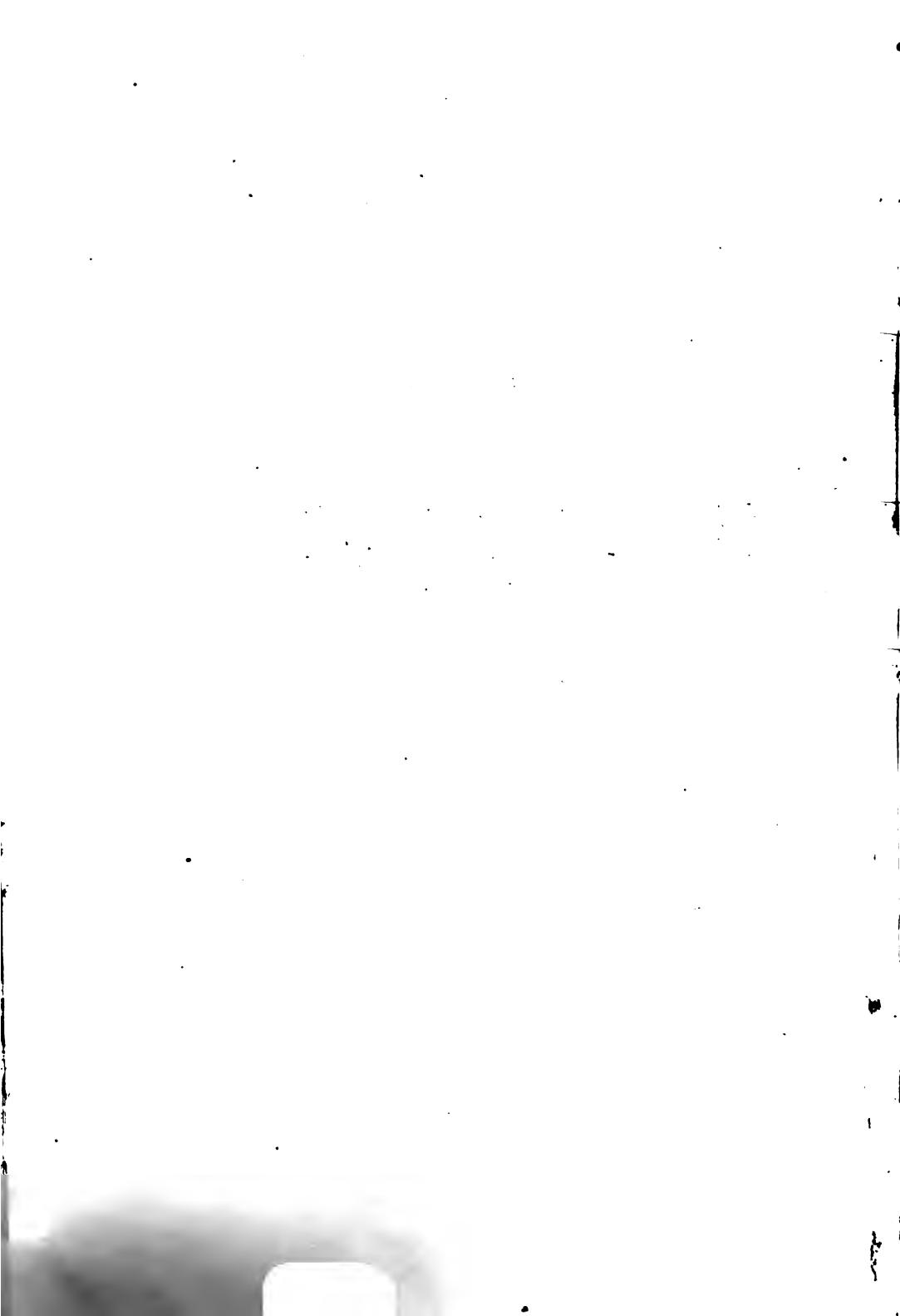
ИЗДАНИЕ ЕВГЕНОПРОДАВЦА В. Н. ПЛОТНИКОВА.

1878.

КРЕСТЬЯНКА.

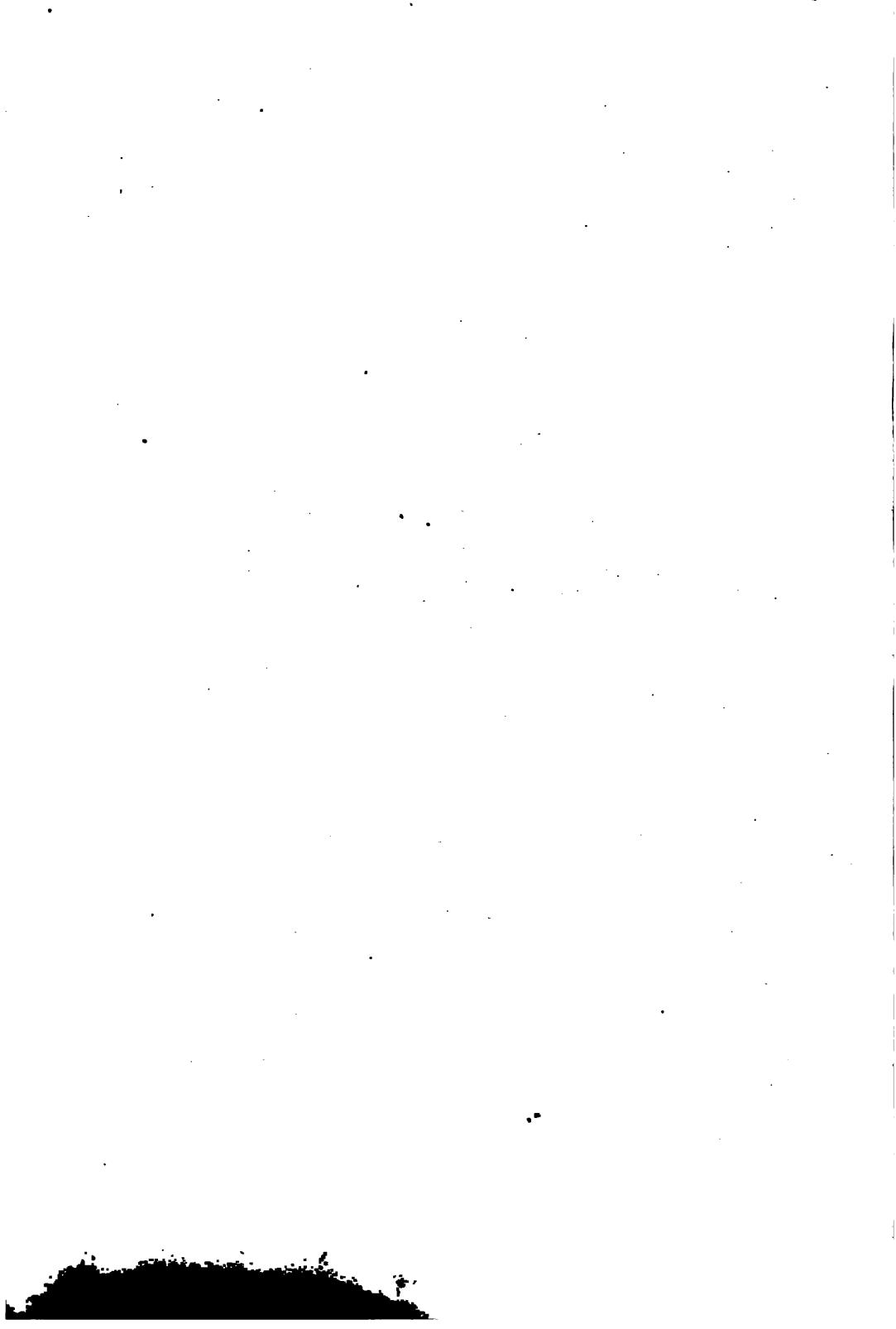
РОМАНЪ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТИХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

«Знай сверчокъ свой шестокъ».

РЛАВА I.

Семейство Кнабе.

Усадьбою Тужиловкой, со всѣми принадлежащими къ ней помѣстьями, пахотными и сѣнокосными полями, лѣсными дачами и пр., лѣтъ пять уже управлялъ курляндскій уроженецъ, Августъ Карлычъ Кнабе. Онъ былъ нѣмецъ, какъ человѣкъ, и нѣмецъ, какъ управляющій. Акуратенъ, честенъ; упрымъ нѣсколько скученъ; одностороненъ и скученъ — вотъ его нравственные черты; въ сельскомъ хозяйствѣ онъ отдавалъ особенное преимущество скотоводству, разведенію клемвера и картофеля. Августъ Карлычъ преимущественно и посвящалъ свой надзоръ возращенію этихъ продуктовъ, хотя и прочія статьи хозяйства не ускользали отъ его вниманія.

Онъ былъ женатъ, имѣлъ дочь. Жена его Амалія Федоровна была существо добрѣйшее, совершенно незлобное и совершенно сентиментальное: она часто восторгалась, и восторгъ не рѣдко вызывалъ слезы на ея глаза. Кнабе соединились бракомъ по любви, и любовь ихъ сохранилась, не измѣняясь и не ослабѣвая, до настоящей минуты; она укрѣпилась и, такъ сказать, сосредоточилась на ихъ маленькой дочери, Анхенѣ: это былъ предметъ ихъ постоянной заботливости, ихъ страстнаго поклоненія, какъ будто въ Анхенѣ они оба сливались душою.

Ребенокъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на мать, и по тѣлу и по душѣ, но не по лѣтамъ былъ мечтательнъ, серьезенъ, задумчивъ. Однадцатилѣтній ребенокъ, Аихенъ, рѣдко когда рѣзвилась, и находила особенное удовольствіе сидѣть около матери, которую страстно любила, раздѣлять ея домашнія хлопоты, слушать и разговаривать съ нею.

Амалія Федоровна нѣкогда была гувернанткою, и теперь сама занималась воспитаніемъ дочери: врожденная мечтательность и восторженность ребенка не пугала ее, но утѣшала. Амалія Федоровна была чрезвычайно довольна скромностью и задумчивостью своей Аихенъ, и если посыпала ее иногда гулять и требовала, чтобы она бѣгала и рѣзвилась, то единствено только съ цѣллю укрѣпить тѣло ребенка, который былъ очень слабъ физически.

Вся жизнь этого семейства была безконечная, однообразная идиллія. Вотъ какъ проходило время. И отецъ, и мать, и дочь поднимались со сна въ пять часовъ утра. Солнце уже сяло и золотило верхушки деревьевъ, свѣжий благоуханный воздухъ утра врывался въ открытое окно.

— Какъ прелестно утро! говорила Амалія Федоровна своей дочки, какъ весело свѣтить солнце, какъ все очаровательно въ природѣ! Посмотри, Аихенъ, какъ хорошъ Божій міръ.

И Аихенъ смотрѣла на свѣтлое безоблачное небо, на по-злащенные солнечными лучами деревья, на зеленый лугъ, по которому какъ-будто разсыпались миллионы сверкающихъ алмазовъ, на блестящій вдали крестъ колокольни, на работающихъ въ полѣ поселянъ; она прислушивалась къ веселому чиликанью птицъ, перелетающихъ съ дерева на дерево или выюющихъ подъ самымъ небомъ, къ грустному мотиву пастушьяго рожка или спозаранку затянутой вѣмъ-то пѣсни, — и юной душѣ ея становилось и весело, и грустно; она глядѣла на мать, видѣла слезы на глазахъ ея, слезы

сантиментальной любви и восторга—и, по сочувствию-ли то, или инстинктивно—на глазахъ ребенка навертывались такія же слезы. Анхенъ прижималась къ матери нѣжно, крѣпко, любовно, и спрашивала ее:

— Отчего, муттеръ, такъ свѣтло солнце и такъ все весело и хорошо?

— Оттого, отвѣчала мать, счастливая сочувствиемъ дочери и восторгаясь отъ ея вопроса еще болѣе,—оттого, что нашъ общій Отецъ, нашъ Богъ, съ улыбкой смотрить на свою прекрасную землю и любуется ею, оттого, что и земля понимаетъ эту улыбку и отвѣчаетъ на нее своимъ восторгомъ, своей благодарностью. Ахъ, Анхенъ, читай и ты свою молитву благодарности къ Великому Творцу, люби и ты, какъ Онъ, все имъ созданное: люби природу, которая такъ прекрасна, но еще больше люби человѣка, который еще прекраснѣе. Не вѣрь, что есть зло на землѣ, не вѣрь, что есть злые люди,—это все неправда, все вымыселъ, въ созданыи Божьемъ не можетъ быть ничего дурнаго.—И Анхенъ слушала мать съ увлечениемъ, не могла отдать себѣ яснаго отчета въ ея словахъ, но сердце ея наполнялось какимъ-то смутнымъ чувствомъ безпредѣльной любви, а головка еще болѣе смутнымъ, но полнымъ той-же любви представлениемъ о природѣ и людяхъ... Ребенокъ задумывался... потомъ говорилъ матери:

— Муттеръ, я люблю тебя, отца, всѣхъ люблю!..

Межу тѣмъ Августъ Карлычъ собирался на поле, закуривалъ свою сигару и приходилъ прощаться съ женой и дочерью: крѣпко обнималъ и нѣжно цѣловалъ первую, еще крѣпче и нѣжнѣе вторую. Онъ отправлялся осматривать ближайшія работы, а Амалія Федоровна, вырываясь изъ сантиментального настроенія духа, принималась готовить завтракъ — обычный габеръ-супъ и сыръ изъ творога; Анхенъ помогала ей, либо читала въ это время вслухъ матери Біблію.

Въ семь часовъ возвращался Августъ Карлычъ и завтракъ вмѣстѣ съ женой и дочерью, которая безъ него никакъ-бы не рѣшилась прокоснуться къ завтраку.

Вслѣдъ за тѣмъ Августъ Карлычъ вновь закуривалъ сигару, снова прощался съ женой и дочерью, садился верхомъ на лошадь и уѣзжалъ вплоть до самаго обѣда, а Амалия Федоровна начинала съ Анхенъ классъ. Тутъ она изрѣдка только, и какъ-бы невольно, увлекалась своимъ сантиментальнымъ настроениемъ духа и говорила съ дочерью о предметахъ отвлеченныхъ, но большею частію старалась передавать ей серьезно и даже нѣсколько сухо и взыскательно все, что знала сама.

За часъ до обѣда классъ кончался, и Амалия Федоровна отправлялась на кухню отчасти присматривать, отчасти сама приготовлять для мужа особенно любимый имъ кушанья, а Анхенъ посыпала гулять въ садъ, гдѣ она должна была играть и бѣгать для мюциона и аппетита, хотя дѣвочка всегда съ большею охотою желала-бы остаться возлѣ своей матери, тѣмъ болѣе, что у нея не было подруги, которая могла-бы возбудить къ веселости ея не по-дѣтски-скромную и унылую натуру.

Послѣ обѣда, совершенно измѣнѣнаго, вся семья отправлялась обыкновенно гулять. Доходили до березовой рощи, росшей недалеко отъ усадьбы, выбирали тѣнистое мѣсто и располагались на немъ. Тутъ Амалия Федоровна давала полную свободу своему воображенію, своей мечтательности: снова восторгалась, снова плакала. Съ неизѣяснимымъ удовольствиемъ и сочувствиемъ слушала Анхенъ свою мать, и ни на минуту не отводила отъ нея своихъ глазъ; съ нѣжной улыбкой слушалъ Августъ Карлычъ жену свою, и сладкая усталость овладѣвала его тѣломъ и его душою: онъ задумывался, можетъ быть, переносился мечтою во времена своей юности, своего дѣтства, можетъ быть, погружался въ ка-

въ-нибудь сложныхъ и запутанныхъ хозяйственныхъ соображеній, и... засыпалъ.

Но вотъ яркое солнце склоняется къ горизонту, зажигаетъ своими лучами цѣлое полнеба, отъ него бѣгутъ розовыя огненные полосы по землѣ и водѣ, зеленѣе и душистѣе кажется сосѣдняя зелень, мрачнѣе и темнѣе встаютъ отдаленные лѣса, кидаются отъ себя длинныя тѣни, между тѣмъ какъ верхушки ихъ еще золотятся послѣдними лучами солнца; природа запѣваетъ свою неясную, но мелодичную вечернюю пѣснь, слышится крикъ коростеля, свирѣль жаворонка, въ рощѣ раздаются уже, хотя и съ длинными паузами, отрывочные, разсыпные трели соловья... издали несется и доходитъ до слуха щелканье пастушьяго кнута, разноголосое мычанье возвращающагося стада... И Августъ Карлычъ со всей своей семьей отправляется на скотный дворь: здѣсь онъ совершенно счастливъ; онъ знаетъ каждую корову, знаетъ даже кличу каждой изъ нихъ, хотя иногда, къ утѣшенню и веселому смѣху скотницъ, и коверкаетъ ихъ на свой ладъ, не совсѣмъ управляясь съ мудренымъ русскимъ языкомъ. Августъ Карлычъ весело ходитъ среди своихъ любимицъ: иную потреплетъ по головѣ, другую шутливо схватить за рога, и потѣшается, какъ она, недовольная этой шуткой, крутизть головой, — иной поправить кормъ, другую осматриваетъ съ состраданiemъ, замѣчая, что она, не смотря на всѣ его заботы, все хирѣеть съ каждымъ днемъ болѣе, Богъ ее знаетъ отчего.

— Домовикъ ее не любить! говорить обыкновенно въ этомъ случаѣ одна изъ скотницъ.

— О, пошоль ты: домовикъ! не люблю слушать!.. никакого нѣть!.. даже съ сердцемъ возражаетъ Августъ Карлычъ.

— Да, пожалуй, не вѣрь: прямой нѣмецъ! говорить про себя недовольная скотница. А вотъ замучить совсѣмъ ско-

тинку-то, такъ ты и не будешь вѣрить... Нечего дѣлать: придется, видно, самой окурить...

Во время этихъ посѣщеній на скотный дворъ приносится обыкновенно корзинка картофелью, и Августъ Карлычъ заставляетъ жену и дочь собственоручно кормить картофелемъ особенныхъ своихъ любимицъ и съ удовольствиемъ смотреть, съ какою охотою онѣ ъдѣлять его.

Послѣ этой операции вся семья отправлялась домой и мирно, сладко засыпала...

Вотъ какую жизнь вело это нѣмецкое семейство—лѣтомъ. Зимою почти то-же самое, за исключеніемъ послѣобѣденныхъ прогулокъ. Кнабе никуда не ъздили и ихъ тоже никто не посѣщалъ: они, такъ сказать, наслаждались сами собою. Среди этой однообразной жизни Анхенъ не скучала, но одиночество ея, отсутствие сверстницы и подруги много помогали развитію въ ней мечтательности, между тѣмъ любящее сердце ея было вполнѣ способно къ самой горячей привязанности, и, можетъ быть, безсознательно чувствовало потребность другаго сердца, съ которымъ могло-бы во всемъ дѣлиться. Мать, не смотря на всю свою готовность раздѣлять съ дочерью каждое даже дѣтское впечатлѣніе послѣдней, все-таки была далека отъ Анхенъ по своимъ лѣтамъ, по своимъ интересамъ; иногда умный ребенокъ даже стѣснялся обращаться къ матери съ нѣкоторыми вопросами, инстинктивно чувствуя, что они не могутъ быть интересны для матери... Наконецъ, самъ случай распорядился дать Анхенъ сверстницу и подругу.

Однажды она играла мячомъ въ свой урочный предъ-обѣденный часъ. Мячъ перелетѣль чрезъ ограду сада, въ которомъ была Анхенъ; какая-то крестьянская дѣвочка съ умными глазками, хорошенъкая, хотя и грязная немножко, изловила на улицѣ этотъ мячъ и чрезъ ограду подала его Анхенъ. Дѣвочка эта давно уже стояла у садовой рѣшетки и

смотрѣла на играющую пѣмочку съ тѣмъ страннымъ участіемъ, съ какимъ обыкновенно крестьянскія дѣти заглядываютъ на своихъ барчуковъ, когда послѣдніе играютъ между собою.... Я не знаю, что возбуждаетъ это вниманіе и участіе: приличіе ли и красота виѣшности, или просто дѣтскій интересъ игры, въ которую нельзя вмѣшаться....

Дѣвочка немного сконфузилась, подавая Анхенъ мячъ, но не закрылась рукавомъ и не готовилась бѣжать прочь при первомъ вопросѣ.... Въ ней было что-то милое, привлекающее.

- Какъ тебя зовутъ? спросила ее Анхенъ.
- Анной.
- И меня тоже! Ты чья дочь?
- Иванова.
- Какого это?
- А вотъ тамъ наша изба-то, крайняя.
- Ты зачѣмъ-же здѣсь?
- Ни зачѣмъ.
- Гуляешь что ли?
- Нѣту-тка: я таѣ, на тебя смотрѣла.
- Чѣ-же, ты развѣ меня любишь?
- Я-то?.... люблю!...
- За что-же ты меня любишь?
- Такъ, ни за что.
- Хочешь со мной играть?
- Я-то?... нѣть, не хочу.
- Отчего-же не хочешь?
- Забранятся.
- Кто-же забранится?
- А вотъ кто-нибудь выйдетъ изъ дому-то изъ вашего, увидать, что я съ тобой-то играю, и забранится.
- Такъ ты развѣ ни съ кѣмъ не играешь?